

RU

Истина и вдохновение: о природе писательского творчества (на примере романа Дж. Барнса «Попугай Флобера»)

Толкачев С. П.

Аннотация. Цель исследования - рассмотреть вопросы философии и психологии творчества, а также проблемы поиска истинных фактов биографии выдающегося писателя на примере постмодернистского романа современного английского прозаика Джулиана Барнса «Попугай Флобера» (1984), вошедшего в шорт-лист Букеровской премии. Научная новизна исследования заключается в том, что устанавливается связь между метафорами творчества и изменчивости правды, представленными в данном произведении, и особенностями постмодернистской поэтики, что парадоксальным образом помогает добиться эффекта подлинного в рамках жанра исповедального психологического романа. В результате доказано, что постижение истины о творческом вдохновении писателя тесно связано с отказом от абсолютной истины и со стихией случайного, которому подвержена жизнь человека, в данном случае классика французской литературы, о котором и идет речь в романе.

EN

Truth and Inspiration: On the Nature of Literary Creativity (by the Example of J. Barnes's Novel "Flaubert's Parrot")

Tolkachev S. P.

Abstract. The article considers philosophical and psychological aspects of creativity, examines the problem of reconstructing a writer's true biography by the example of the post-modernistic Booker-shortlisted novel of the modern English writer Julian Barnes "Flaubert's Parrot" (1984). Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher shows how the author's metaphors of creativity and changeable truth correlate with post-modernistic poetics, which surprisingly helps to achieve truthiness effect within the psychological novel genre. As a result, it is proved that understanding the writer's creativity requires abandoning Absolute Truth and revealing influence of Fortune on human life, in particular, on the life of the French literary classic depicted in the novel.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что при всем многообразии критических подходов к творчеству Дж. Барнса недостаточно внимания было уделено проблемам творческой лаборатории писателя, и в частности источникам вдохновения художника слова, незримым связям между литературным произведением и читателем. Так, один из первых постмодернистских романов английского писателя Джулиана Барнса «Попугай Флобера» (1984) посвящен актуальной теме взаимозависимости жизни и искусства, биографии и вымысла. В этом произведении прозаик совмещает фактологическое повествование о жизни классика французской литературы Гюстава Флобера с мифотворчеством, что позволяет по-новому взглянуть на такое трудноопределимое понятие, как творческая интуиция.

Для осмысления идей, заложенных в данном произведении как образце постмодернистской прозы, использовались следующие методы исследования: культурно-исторический, компаративистский и историко-типологический методы.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами Р. Барта и Ж. Деррида, послужили работы зарубежных авторов П. Чайлдса, В. Гиньери, Ж. Маритена, исследования отечественных ученых.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы по философии и психологии творчества в постмодернистском произведении могут использоваться не только при чтении курсов по современной зарубежной литературе, но и на практических семинарах по писательскому мастерству.

Природа писательского творчества и поэтика постмодернизма

Творчество английского писателя Джулиана Барнса (род. 1946) на протяжении последних десятилетий находится в фокусе академической и критической мысли. О нем написано множество исследований, монографий, статей, рецензий как в России, так и за рубежом. Так, творчеству английского писателя посвящены интересные исследования, в частности нарративу тоталитаризма [1], пространству симулякра в некоторых произведениях Барнса [5], проблемам и перспективам развития его творчества [6] и т.д.

В зарубежном литературоведении также немало монографий и диссертаций, посвященных творчеству Барнса. Так, научный труд П. Чайлдса анализирует основные произведения писателя, созданные за четверть века, с точки зрения философии постмодернизма, гибридного хронотопа, системы образов и мотивов, нюансов драматургии [8]. Исследование Дж. Вагнер [13] посвящено сравнительному анализу гендерных проблем, постмодернистскому тексту как «пейзажу» в прозе Дж. Барнса, поскольку, как считает исследователь, пейзаж – это часть живописного пространства литературы, ее словесной «географии». Монография В. Гиньери [10] затрагивает широкую проблематику произведений Дж. Барнса разных лет.

«Попугай Флобера» – роман, написанный в популярном ныне жанре беллетризованной биографии, и в нем явно прослеживаются черты историографической метапрозы. По определению самого автора, он прикладывал все силы для того, чтобы на свет появился «роман, вывернутый наизнанку» (“an upside-down sort of novel”) [7]. Действительно, «Попугай Флобера», в котором повествование ведется от лица вымышленного биографа французского писателя, некоего англичанина Брайтуэйта, то и дело обращается к теме взаимоотношений между писателем и читателем, а также к вопросу о том, как переосмысление жизни великого человека, не поддающейся порой объяснению, приводит к пониманию секретов творческой «кухни» мастера слова, глубинной сущности художественной литературы.

Идея «Попугая Флобера» – не только в желании понять, что такое «французское», но и в ненасытном чувстве читателя (каковым является и сам Барнс по отношению к своему любимому прозаику и драматургу Флоберу) познать тончайшие нюансы биографии кумира и тем самым приблизиться к тайнам творческой лаборатории великого «пленника» провинциального Руана. Посредством серии сюжетов, связанных с французским классиком и вымышленным героем, литературоведом Брайтуэйтом, английский прозаик пытается, хотя порой и не всегда последовательно, показать реальную проблему поиска сути литературного творчества, скрывающейся за художественным текстом. В «Попугае Флобера» ставятся и другие вопросы, а именно: каким образом поиск этой истины меняет и саму биографию, и читателя, и даже восприятие личности и творчества писателя – будь то Флобер или сам Барнс.

Сюжет «Попугая...» строится вокруг поисков английским литературоведом Джорджем Брайтуэйтом чучела попугая, которое стояло на столе Флобера, когда он писал роман «Простая душа». Вопрос о подлинности этого чучела, перенесенного в дом-музей автора «Госпожи Бовари», как и любой другой факт, может иметь множество ответов, и в этой «раздробленности» истины и заключается важная первооснова постмодернистской поэтики.

Образ попугая в романе Дж. Барнса, как нам представляется, символизирует по меньшей мере три важных для этой поэтики понятия: истину и ее непостижимость с точки зрения теоретических изысканий, сделанных в свое время французским философом и литературоведом Роланом Бартом [3]; роль слова и его амбивалентность в выражении правды, согласно философским взглядам Жака Деррида [4]; двойственность образа рассказчика Брайтуэйта, который как биограф и является воплощением «подлинного попугая», «сидящего» на письменном столе Флобера и как бы исподтишка наблюдающего за ним.

Барнс и Брайтуэйт как повествователи пересказывают нам жизнь Флобера, воспроизводя ее в деталях на протяжении романа, в том числе и через призму подлинных, зафиксированных современниками высказываний французского писателя, что позволяет судить о некоторых спорных сторонах творческой биографии классика, в частности о его личной жизни, с которой связано множество слухов, домыслов современников великого человека и его биографов всех времен. Тем не менее к концу повествования читатель приходит к выводу, что ни один из более-менее важных фактов жизни Флобера не имеет убедительных подтверждений, и тем самым Дж. Барнс как бы подталкивает нас к мысли о том, что правды в биографии не так уж много, как принято думать.

Примечательно, что постмодернистская природа романа Барнса по сути заключается в отсутствии линейного повествования и классической фигуры рассказчика, а с точки зрения жанровой природы его можно воспринимать как текст, в котором сочетаются черты романа-псевдобиографии [9], мемуарной литературы и детектива. Причем литературовед Брайтуэйт играет роль своего рода сыщика, пытающегося раскрыть «дело о чучеле попугая» [2, с. 216].

Для литературоведа Брайтуэйта поиск подлинного чучела попугая – своего рода мостик между читателем и автором, и это крайне важно, поскольку данное соединительное звено в метафорическом смысле может вскрыть тончайшие механизмы художественного творчества и восприятия текста читающим. Как и любой читатель, который пытается постичь авторский замысел, Брайтуэйт задает себе вопрос: что дает человеку основание думать, что идея лежит на поверхности, ведь задумка творца – очень хитрая штука [Там же]. Однако сама попытка докопаться до сути писательского творчества в романе Барнса как будто подвергается критике, поскольку, как становится ясно, нам дано постичь лишь поверхностный уровень текста, а увидеть всю глубину идеи и сложность зарождения всей образной системы романа не представляется возможным.

В этом смысле интерес представляет и вопрос о том, кто все-таки ведет повествование в романе, когда со страниц книги звучат вопросы, подобные такому: почему литература вызывает у нас интерес к личной жизни писателя, почему одних романов мало [Там же], и это противоречие в рамках образа рассказчика делает восприятие произведения читателем еще более непостоянным.

Что касается образа Брайтуэйта как героя и повествователя, который так сильно верит в «значимость писательской личности» [Там же, с. 2], то на словах он вроде бы защищает французского писателя, но в действительности противостоит ему, «непослушно преследуя» [Там же, с. 3]. Финал романа остается открытым, когда становится ясно, что музейные анналы содержат упоминания о пятидесяти других похожих на подлинных чучелах попугаев, которых меняли один на другого, потому что «чучела животных пожирает моль» [Там же, с. 226]. Попугай, таким образом, становится символом множественности вариантов литературной правды, причем каждая птица воплощает собой особый способ интерпретации художественного произведения, и все постмодернистские версии, как и следует из теории, при этом оказываются одинаково верными.

Возвращаясь к теоретическим взглядам Р. Барта, нужно отметить, что «истина» по отношению к литературному творчеству заключается в мысли о «смерти автора» [3], который превращается в своего рода интерпретатора художественных образов прошлого, поскольку все давно якобы уже написано в ходе культурной эволюции человечества. При этом Барт утверждает, что проникнуть в творческое сознание писателя невозможно, и, следовательно, критик или читатель не в силах расшифровать мотивы создающей личности. Напрашивается вывод, что каждая из версий – равновозможная, и все смыслы произведения в конечном счете исходят от читателя.

Таким образом, можно отметить, что образ рассказчика в «Попугае Флобера» находится где-то в центре между бартовскими взглядами на литературное творчество, согласно которым личность писателя и написанное им не имеют между собой ничего общего, и идеей автора-демиурга, автора-бога – мысль, которую Барт использовал в начале своей научной и творческой карьеры. Суть ее кроется в том, что подлинной и неизменной художественной правдой является то значение, которое автор изначально вкладывает в свое произведение, но возникает вопрос: постижим ли этот смысл читателем или исследователем. Черты противоречивого образа Флобера, которые проявляются в процессе поиска «подлинного» в его биографии, предполагают и обнаружение универсальной художественной правды литературного произведения, ведь многочисленные версии всегда можно выдать за подлинное.

Брайтуэйт задает вопросы не только о творческой жизни Флобера, которая на поверку полна недоказуемых фактов, но и о природе читательского восприятия: существует некий одаренный, более того, гениальный читатель? По всей видимости, Барнс приходит к выводу, что такой феномен в природе искусства и художественной литературы отсутствует, поскольку его осознание подразумевает ответ на вопрос, что существуют некие «правильные» и «неправильные» способы прочтения. Но «какое знание полезно, а какое – правдиво?» – восклицает Брайтуэйт на страницах книги [2, с. 109]. В результате, когда поиски Брайтуэйта сужаются всего до трех попугаев, он приходит к мысли: «Может быть, один из них был тот самый» [Там же, с. 229] – и это, кстати, финальная фраза в романе Барнса, что свидетельствует о невозможности до конца познать что бы то ни было, и в этом воплощается один из краеугольных принципов постмодернизма: отказ от истины вообще. Здесь Брайтуэйт или, вернее, сам Барнс приходит к выводу, что исследовать феномен литературы, как-то отчасти является и жизнь писателя, невозможно, и единственное, что признается – истина о двойственности истины: либо все знание полезно и верно, либо общечеловеческой картины мира не существует.

Метафора творчества и изменчивости правды, воплощаемая в образе попугая, наводит читателя романа на мысль о том, что птица в процессе изысканий Брайтуэйта начинает олицетворять собой «Чистое Слово», то есть некую особую формулу творчества, и в силу этого становится «символом Логоса» [Там же, с. 9].

«Попугай Флобера» как произведение, созданное в духе философии Барта, преподносит нам литературный вариант банального спора по поводу первичности курицы или яйца, а в данном случае – Слова или Правды. Это вопрос, на который нельзя дать ответ с помощью анализа одного лишь образа попугая как некоего существа, исподтишка наблюдавшего за творческим процессом Флобера, но, задавая такой вопрос, Барнс создает в своем романе уместную метафору постмодернистского Слова. Судя по всему, английский писатель, как и любой другой человек, не может осознать бездонные глубины языка и правды, как и Брайтуэйт не в состоянии постичь подлинную сущность флоберовского вдохновения, которое, очевидно, воплощает в романе и некую магическую формулу творчества.

Поскольку «слово» в контексте романа Барнса становится самоценным, то, согласно замыслу писателя, лингвистический (и филологический) анализ, проводимый Брайтуэйтом, лишается смысла, и в силу этого граница между человеческим сознанием и творческой интуицией стирается, в первую очередь, конечно, не столько в научном, сколько в художественном смысле, посредством создания романа «Попугай Флобера». Герой-рассказчик в романе Барнса, таким образом, словно сливается с образом творца.

Заключение

Таким образом, в контексте философии Р. Барта и поэтики постмодернизма правды о секретах человеческой души либо нет, либо на самом деле существуют множественные истины, скрывающиеся в недоступном для исследователя измерении, и все они – верные и одновременно неточные. Невозможно утверждать какую-либо правду и о людях, в том числе великих, как после того, как они ушли в мир иной, так и зачастую при их жизни.

Роман «Попугай Флобера» в данном случае представляет пример особого жанра постмодернистской прозы, когда автор, сопоставляя несколько разных событий жизни выдающейся личности из иной культуры в причудливой комбинации подлинного и выдуманного, парадоксальным образом добивается убедительности, достигая эффекта подлинного в рамках поэтики исповедального психологического романа, который является одновременно и очень личным, и достаточно отвлеченным, интимным и метафизическим [10]. Одновременно это произведение о том, что творение принимает форму на разных уровнях творческого вдохновения – и каждый создатель самым этим фактом признается, кто он есть. Чем больше растет поэт, тем глубже нисходит уровень творческой интуиции в плотность его души.

Если настоящий художник слова слышит пароли и тайны, которые «запинаются» в вещах, если он воспринимает реальности и совпадения как зашифрованные письма, которые находятся в основе действительного существования, если он захватывает больше вещей, которые находятся на небе и на земле, и может объяснить это лучше философа, он делает это, не зная все тайны жизни в обычном смысле слова «знать», но принимая все это в темные закоулки своей души. Все, что поэт различает и угадывает в вещах, он воспринимает не как нечто иное, чем он сам, по закону умозрительного познания, но, напротив, как неотделимое от самого себя и от своих эмоций и в действительности как отождествленное с самим собой. Его интуиция, творческая интуиция, есть смутное постижение самого Себя и вещей в познании через соединение, или через связность, которое рождается в духовном бессознательном и которое плодоносит только в творческой работе [12, p. 290].

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении опыта творческой лаборатории писателей Великобритании и США, поскольку процессы, происходящие в современной западной литературе, несомненно, отражают картину сложных социально-политических противоречий, возникающих в XXI веке как в Европе, так и во всем мире, и их изучение имеет важное значение для прогнозов как социокультурного, так и политического характера.

Источники | References

1. Анцыферова О. Ю. О нарративе тоталитаризма в творчестве Джулиана Барнса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 1. С. 69-78.
2. Барнс Дж. Попугай Флобера. М. - СПб: Эксмо; Домино, 2012. 320 с.
3. Барт Р. Драма, поэма, роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 312-334.
4. Деррида Ж. Поля философии. М.: Акад. проект, 2012. 376 с.
5. Коноплюк Н. В. Пространство симулякра в романе Джулиана Барнса «Англия, Англия» // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 72-75.
6. Пилипей Н. А. Творчество Джулиана Барнса в литературоведческо-критическом осмыслении: проблемы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2: в 2-х ч. Ч. 2. С. 123-128.
7. Barnes J. The Follies of Writer Worship [Электронный ресурс] // The New York Times. 1985. February 17. URL: <http://www.nytimes.com/books/01/02/25/specials/barnes-worship.html> (дата обращения: 01.07.2021).
8. Childs P. Julian Barnes. Manchester - N. Y.: Manchester University Press, 2011. 166 p.
9. Cudjoe S. R. V. S. Naipaul: A materialist reading. Amherst: University of Massachusetts Press, 1988. 287 p.
10. Guignery V. The Fiction of Julian Barnes. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006. 168 p.
11. Hutcheon L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. N. Y. - L.: Routledge, 1988. 268 p.
12. Maritain J. Creative Intuition in Art and Poetry. L.: The Harvill Press, 1954. 462 p.
13. Wagner J. E. Engendered Edens: Postmodern Landscapes in Novels by John Fowles and Julian Barnes. Indiana: Indiana University of Pennsylvania, 2009. 283 p.

Информация об авторах | Author information

Толкачев Сергей Петрович¹, д. филол. н., проф.

¹ Московский государственный лингвистический университет

Tolkachev Sergey Petrovich¹, Dr

¹ Moscow State Linguistic University

¹ stolkachov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Джулиан Барнс; постмодернизм; творческая интуиция; отказ от истины; поэтика случайного; Julian Barnes; postmodernism; creative intuition; abandoning truth; poetics of Fortune.